

### **От редакции.**

#### **Инклюзивная культура и социальная политика**

Категория инклюзии стала сегодня хорошо известной в России не только исследователям социальной политики, но и многим чиновникам благодаря активному обсуждению проблем инклюзивного образования. Аспекты инклюзии (или эксклюзии) могут проявляться не только в риторике СМИ, официальных документов и публичных выступлений, но и в повседневных практиках работы, в организационной культуре: в профессиональных компетенциях сотрудников, в практике социального обслуживания и образования, в повседневном взаимодействии с сообществом и клиентами, в дискуссиях проектов и программ. В этом выпуске журнала представлены некоторые результаты проекта «Инклюзивная культура социальных сервисов», который был реализован при поддержке Центра социальной политики и гендерных исследований в 2011–2012 гг. Важный вклад в обсуждение исследовательской методологии, инструментария, интерпретации материалов внесли участники семинаров и летних школ.

Исследование практик и барьеров на пути к инклюзии этнических мигрантов проводилось в стратегии кейс-стади в отдельных учреждениях, в качестве кейсов выступали также и семьи мигрантов. Участников проекта интересовало, есть ли в регламентах социальных служб (учреждений социальной защиты, службах занятости, школах) специальные акценты, с одной стороны, на уважении человеческого достоинства и равенстве прав, и с другой – на специфике социального положения таких групп клиентов, как мигранты (дети мигрантов), и следовательно, на особых принципах работы с ними.

Организационная культура представляет собой поле социальных, человеческих и символических отношений с их собственными культурными кодами и правилами поведения. Формирование инклюзивной повестки дня становится сложной задачей изменения структуры и культуры организации, которую трудно решить в отдельно взятом учреждении. Целый ряд условий может влиять на то, как мигранты приспосабливаются к новой культурной среде, как меняются их отношения с социальным окружением и практики обращения в социальные сервисы. Исходя из их предыдущего опыта контактов с государственными социальными службами, они могут не доверять

формальным институтам социальной поддержки и полагаться только на социальные сети, состоящие из семейных, родственных и общинных связей. Например, чтобы разрешить конфликт, возможно, они обратятся скорее к старшему в своей общине, а не в полицию или социальную службу. Влиятельность расширенной семьи и групповая солидарность могут снимать саму потребность обращения в социальные сервисы. Различия в социальных ожиданиях мигрантов и принимающего большинства по поводу семьи, гендерных отношений, воспитания детей могут снижать ценность официальных структур поддержки. Исполняемая специалистом роль эксперта может снизить доверие и ограничить шансы взаимодействия в решении проблем.

В исследованиях, вошедших в этот выпуск журнала, проанализированы организационные, социальные, идеологические барьеры, препятствующие доступу клиентов к социальным сервисам, а также существующие внутри этих организаций и дифференцирующие возможности разных клиентов в получении их сервисов. При этом исследователей интересовали как барьеры и исключения, так и инклюзивные практики в социальных сервисах и возможности социальной инклюзии в мультикультурном обществе в целом (статья В. Антоновой). Основным тематическим фокусом статей в этом выпуске журнала стали возможности инклюзии социальными службами представителей разных этнических групп, исторически проживающих на территории России, а также иноэтничных мигрантов. Однако при этом учитывалась множественность измерений эксклюзии: этнических, классовых, гендерных, культурных, религиозных и так далее. То, как расставлены «национальные» или «межкультурные» акценты в школе, как школьная среда опосредует механизмы инклюзии и создает условия культурного гражданства, стало предметом интереса Т. Власовой, И. Бабаян и В. Ярской. В другой статье можно увидеть результаты поиска инклюзивных аспектов организационной культуры в учреждениях социальной защиты, труда, занятости и миграции (статья М. Ворона и Г. Карповой). Кроме того, важен взгляд на проблему со стороны правозащитных организаций, общественных объединений, ассоциаций, которые служат институтами социальной интеграции (исследования И. Захарян, К. Фофановой и Д. Борисова), а также изучение роли институциональных и культурных барьеров в гендерных измерениях инклюзии (статья Л. Шпаковской). Своеобразным тематическим расширением фокуса данного выпуска журнала выступает исследование О. Вербилович, посвященное процессам формирования коллективной идентичности людей с инвалидностью, которые нередко мобилизуются благодаря вызовам со стороны манипулятивной публичной сферы.

Построение инклюзивной культуры требует, чтобы не только отдельно взятая организация, но и более широкий социум, и публичная сфера в целом восприняли определенные нормы и ценности: уважение прав человека, принципы открытости разнообразию, участия и взаимного обучения на основе межкультурного диалога.